

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.14>

UDC 343.126.1

LBC 67.410.2

Submitted: 23.07.2025

Accepted: 10.11.2025

THE POWERS OF THE BODY OF INQUIRY TO DETAIN A SUSPECT IN A CRIME

Alina V. Kalacheva

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper reflects the results of the latest stage of scientific research conducted by the author, aimed at distinguishing the jurisdictional powers of the bodies of inquiry as participants in criminal procedural legal relations and other state authorities performed by the same bodies, sometimes by the same officials, but in a different legal regime that does not involve a criminal procedural form. The **purpose** of the study is to identify the authentic powers of the body of inquiry to be implemented during the detention of a person on suspicion of committing a crime. Research **methods:** the content and results of the conducted research are predetermined by the dialectical approach to cognition of reality; the methods of system analysis, description, comparison, as well as deduction and induction, analysis and synthesis were used as the general scientific, while the historical-legal and formal-legal methods were used as the special ones. The **results** of the study are reduced to substantiating the need to empower the bodies of inquiry with only criminal procedural powers to detain a suspect. **Conclusions:** the direct jurisdiction of the bodies of inquiry should only include the procedural components of work with detainees related to the use of this measure of coercion in the formal sense.

Key words: detention of a suspect, body of inquiry, suspect, powers of the body of inquiry, criminal procedural powers, actual detention.

Citation. Kalacheva A. V. The Powers of the Body of Inquiry to Detain a Suspect in a Crime. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 120-126. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.14>

УДК: 343.126.1

ББК: 67.410.2

Дата поступления статьи: 23.07.2025

Дата принятия статьи: 10.11.2025

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ ПО ЗАДЕРЖАНИЮ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Алина Владимировна Калачева

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье находят отражение результаты очередного этапа проводимых автором научных изысканий, направленных на разграничение юрисдикционных полномочий органов дознания как участников уголовно-процессуальных правоотношений и других государственно-властных полномочий, выполняемых теми же органами, иногда теми же должностными лицами, но в ином, не предполагающем уголовно-процессуальной формы правовом режиме. **Цель исследования** состоит в выявлении аутентичных полномо-

чий органа дознания, подлежащих реализации в ходе задержания лица по подозрению в совершении преступления. **Методы исследования:** содержание и результаты проведенного исследования предопределены диалектическим подходом к познанию реальности; в качестве общенаучных использовались методы системного анализа, описания, сравнения, а также дедукции и индукции, анализа и синтеза, тогда как в качестве специальных – историко-правовой и формально-юридический методы. **Результаты исследования** сводятся к обоснованию необходимости наделения органов дознания лишь уголовно-процессуальными полномочиями по задержанию подозреваемого. **Выводы:** к непосредственному ведению органов дознания надлежит относить лишь процессуальные компоненты работы с задержанными лицами, связанные с применением данной меры принуждения в формальном смысле.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, орган дознания, подозреваемый, полномочия органа дознания, уголовно-процессуальные полномочия, фактическое задержание.

Цитирование. Калачева А. В. Полномочия органа дознания по задержанию подозреваемого в совершении преступления // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 120–126. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.14>

Введение

Вправе ли орган дознания задерживать лицо по подозрению в совершении преступления? Казалось бы, реакция любого специалиста на такой простой и незамысловатый вопрос должна представляться очевидной! Скорее всего, ответ имеющего должное представление о досудебном производстве по уголовному делу человека: судьи, прокурора, адвоката, руководителя или рядового сотрудника органа предварительного расследования и даже лишь намеревающегося работать в сфере уголовной юстиции студента юридического вуза, – может быть только утвердительным. Ведь данные полномочия прямо предоставлены органу дознания в соответствии с ч. 1 ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ / Кодекс); они же усматриваются из смысла п. 11 ст. 5, ч. 2 ст. 10 УПК РФ и ряда других положений Кодекса. Более того, до недавнего времени именно органы дознания формально признавались основными исполнителями задержаний подозреваемых, тогда как следователям в решении этих задач отводилась явно второстепенная роль. По крайней мере, именно таким образом были сконструированы положения ст. 122 и ч. 6 ст. 127 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г.; схожие подходы применялись и ранее – находили отражение в нормах еще более архаичных законодательных актов в сфере уголовного судопроизводства.

Вместе с тем в действительности при более глубоком погружении в проблематику

задержания подозреваемого ответ на поставленный выше вопрос перестает казаться таким уж простым и однозначным. Напротив, утверждение о соответствующих полномочиях органа дознания начинает представляться далеко не очевидным, не учитывающим многокомпонентности механизма задержания лица по подозрению в совершении преступления, многозначности самих терминов «задержание» и «подозрение». Более подробному рассмотрению указанных полномочий и посвящена настоящая статья.

О неоднородности полномочий по задержанию подозреваемого

В публикациях С.Б. Россинского совершенно верно обращается внимание на многогранность сущности задержания подозреваемого, подмечается о предрасположенности данного феномена к пониманию, по крайней мере, в четырех связанных с уголовной юстицией смыслах [6, с. 16]. Указывается на возможность понимания задержания: 1) как одной и мер уголовно-процессуального принуждения, то есть правового способа принудительного воздействия на поведение подозреваемого; 2) как процессуальной комбинации, сводящейся к предусмотренному УПК РФ комплексу взаимосвязанных процессуальных действий, обусловленных решением о задержании подозреваемого (разъяснения лицу прав, его допроса и т. д.); 3) как тактической операции, состоящей в совокупности процессуальных действий, оперативно-розыскных и прочих непроцессуальных мероприятий, включая фактичес-

кое задержание (захват) человека и его доставление в орган предварительного расследования; 4) как чреды режимных мероприятий, связанных с помещением задержанного в изолятор временного содержания (далее – ИВС) и его кратковременным нахождением под стражей [7, с. 20–21]. Кроме того, справедливо говорится о двух различных вариациях подозрения – выделяются: а) процессуальное подозрение, свойственное первоначальному этапу осуществления конкретизированного уголовного преследования (*in personam*) и сопряженное с пребыванием лица в статусе подозреваемого; б) полицейское подозрение, подразумевающее некий бытовой смысл (так называемую заподозренность) и предопределяющее лишь основания для фактического захвата и доставления человека в место дальнейшего разбирательства [8, с. 14–15]. Ранее схожие, но предполагающие некоторую вариативность и большую фрагментарность позиции высказывались другими авторами [2, с. 107; 9, с. 1474].

Не согласиться с подобными взглядами достаточно сложно, но даже если гипотетически допустить их ошибочность и неприемлемость для дальнейшего развития правовой доктрины, то не признать правовую неоднородность различных этапов деятельности, направленной на задержание лица по подозрению в совершении преступления, все равно невозможно! В противном случае, ни ученые, ни практические работники просто не сталкивались бы с целым рядом присущих задержанию подозреваемого и никак не поддающихся обузданию проблем, противоречий и шероховатостей; не возникали бы и многие связанные с ними споры и полемические обсуждения. В первую очередь не существовало бы известной дискуссии о правовой природе пресловутого фактического задержания (захвата) и его места в общем механизме кратковременного ограничения конституционного права личности на свободу и неприкосновенность [10, с. 57]. Не было бы просто никакой потребности в поиске более или менее приемлемого для правоприменительной практики подхода к устранению возникшей по вине законодателя неопределенности [5, с. 51–52], связанной с вроде бы как превращением фактического захвата в своеобраз-

ный «нулевой» этап всей процедуры задержания подозреваемого.

**Об ограниченности
компетенции органов дознания
по задержанию подозреваемых
исключительно процессуальными
полномочиями**

Правда, в условиях правоприменительной практики органов дознания данные проблемы, противоречия и шероховатости, на первый взгляд, могут не показаться такими уж существенными и заметными. По крайней мере, подобное впечатление может создаваться при беглом сравнении их полномочий с полномочиями органов предварительного следствия. Ведь если достаточно опрометчиво признавать органами дознания соответствующие органы исполнительной власти в полном составе (как бы исходить из формулы «орган дознания = орган исполнительной власти»), – увы, именно этот подход и вытекает из буквального толкования не вполне удачных положений закона (ч. 1 ст. 40, ч. 2 ст. 157 УПК РФ), – то любые понимания задержания лица по подозрению в совершении преступления будто бы прекрасно укладываются в сферу их компетенции. И фактические захваты, и последующие доставления лиц для дальнейших разбирательств, и прямо предусмотренные главой 12 УПК РФ процессуальные действия и решения, и даже режимные мероприятия, связанные с помещением задержанных в ИВС и их кратковременным нахождением под стражей всецело отнесены к ведению органов внутренних дел и других органов исполнительной власти, легально признаваемых органами дознания.

Однако, как уже говорилось в наших публикациях, такой подход к пониманию органов дознания видится далеко не самым правильным [4, с. 90–91]. Он является чрезмерно широким и расплывчатым. В связи с чем результаты его внедрения в уголовно-процессуальное законодательство в свое время поспособствовали появлению упомянутых выше ч. 1 ст. 40, ч. 2 ст. 157 УПК РФ и ряда других не вполне удачных, предрасположенных к вариативности толкования и вызывающих немалые практические трудности положений Ко-

декса. Очевидные изъяны подобного понимания органов дознания неоднократно подмечались и другими авторами [1, с. 29–30; 11, с. 118–119].

К слову, причины возникновения такого подхода вполне понятны и закономерны. Подобные аномалии правового положения органов дознания [3, с. 103] напрямую связаны с многолетними тенденциями развития национальной системы досудебного производства, состоящими в постепенном сближении и переплетении функций «полиции» и «юстиции», то есть полицейских и следственных (судебно-следственных!) полномочий, в частности в инкрементальной процессуализации органов дознания, в их превращении в полноценных, наделенных подлинной юрисдикционной правосубъектностью участников уголовно-процессуальных правоотношений. По всей вероятности, законодателю просто не удалось должным образом отразить произошедшие метаморфозы в положениях действующего Кодекса – нормативно отграничить аутентичные, то есть уголовно-процессуальные полномочия органов дознания от оперативно-розыскных, административно-правовых, организационно-обеспечительных и тому подобных полномочий соответствующих органов исполнительной власти в первую очередь органов внутренних дел, подлежащих осуществлению не в уголовно-процессуальном, а в иных правовых режимах.

Следовательно, гораздо более разумным представляется несколько иной, сугубо процессуальный подход к пониманию органов дознания, предполагающий ограничение сферы их компетенции исключительно осуществлением доследственных проверок и разрешением сообщений о преступлениях, производством неотложных следственных действий, проведением ординарных и сокращенных дознаний и исполнением поручений следователей (других органов дознания и дознавателей), то есть реализацией уголовно-юрисдикционных, во многом квазиследственных полномочий в рамках уголовно-процессуальных правоотношений. А ценность данного подхода видится именно в индивидуализации подлинно дознавательских, то есть уголовно-процессуальных полномочий в условиях интеграции функций «полиции» и «юстиции», в их обособлении от иных полномочий, возлагаемых на

те же самые органы исполнительной власти, иногда на тех же самых должностных лиц. Во всяком случае, на сегодняшний день термин «орган дознания» и его множественная форма «органы дознания» для доктринальных и нормативно-правовых основ иных (за исключением уголовного процесса) видов правоохранительной деятельности явно не характерны.

Таким образом, исходя из подобного понимания органа дознания, говорить о нахождении в его компетенции всех составляющих многокомпонентного механизма задержания человека по подозрению в совершении преступления – от фактического захвата до физического освобождения из ИВС – уже не приходится. Причем сказанное можно проиллюстрировать типичным примером из правоприменительной практики органов внутренних дел Вологодской области¹. Так, участковым уполномоченным полиции отдела Министерства внутренних дел (далее – МВД) России по Вытегорскому району Вологодской области совместно с сотрудниками областного министерства сельского хозяйства и продовольственных ресурсов был осуществлен плановый рейд, направленный на выявление преступлений, предусмотренных ст. 256 Уголовного кодекса РФ. В ходе проведения рейда были задержаны (фактически задержаны!) двое местных жителей, промышлявших незаконным выловом крупных особей сиговых и лососевых рыб на нерестовом участке Онежского озера. Указанные лица были принудительно препровождены в расположенный поблизости участковый пункт полиции, о чем по телефону было незамедлительно доложено в отдел внутренних дел. Вместе с тем ввиду удаленности места происшествия от районного центра, то есть невозможности оперативного «подключения» к работе находящегося на дежурстве штатного дознавателя руководством отдела, было принято решение о поручении производства проверочных и неотложных процессуальных действий в порядке ст. 157 УПК РФ все тому же, выявившему преступление и фактически задержавшему браконьеров участковому уполномоченному полиции. В этой связи участковый помимо прочего оформил два протокола задержания подозреваемых, допросил указанных лиц, ис-

полнил иные предусмотренные ст. 92 УПК РФ предписания, после чего обеспечивал принудительное нахождение задержанных в пункте полиции – до момента появления возможности их передачи штатному дознавателю.

Нетрудно заметить, что лишь часть выполненной участковым уполномоченным полиции работы по задержанию подозреваемых предполагала уголовно-процессуальную форму, то есть осуществлялась в предусмотренном УПК РФ порядке. Таковыми были действия, связанные с исполнением предписаний, предусмотренных статьями 92 УПК РФ (составления протоколов задержания, разъяснения прав, допросы и т. д.). Они-то и осуществлялись от имени органа дознания – никакие другие субъекты правоотношений кроме органов дознания, дознавателей и следователей подобными полномочиями просто не располагают. Тогда как все остальные действия, поспособствовавшие задержанию браконьеров: их фактический захват, доставление в участковый пункт полиции и принудительное удержание до прибытия дознавателя, – были произведены тем же самым должностным лицом, но уже выступающим не в качестве представителя органа дознания, а в качестве сотрудника, выполняющего сугубо полицейские, в первую очередь административно-правовые функции, и поэтому работающего в не процессуальном режиме.

Выводы

К непосредственному ведению органов дознания надлежит относить лишь процессуальные компоненты работы с задерживаемыми (вернее, уже с фактически задержанными) лицами, связанные с применением данной меры принуждения в формальном (процессуальном) смысле. Другими словами, их полномочия в части задержаний подозреваемых надлежит ограничивать лишь оформлением соответствующих протоколов, выполнением иных установленных ст. 92 УПК РФ предписаний (разъяснениями прав, допросами подозреваемых и пр.), а также принятием последующих решений об освобождении задержанных – в предусмотренных ч. 1 ст. 94 УПК РФ случаях неподтвержденности подозрения, отсутствия оснований для заключения человека под стражу и признания

произведенного задержания незаконным. Вместе с тем связанные с задержаниями подозреваемых непроцессуальные действия и решения: фактические задержания (захваты), доставления, прочие приемы сугубо полицейского и характера (оперативно-розыскные, административно-правовые и тому подобные мероприятия), а также применяемые к содержащимся в ИВС лицам известные режимные меры, – к компетенции органов дознания не могут иметь никакого отношения. Все эти мероприятия должны находится в ведении иных субъектов публичных правоотношений – может быть, тех же самых государственных органов, а иногда и тех же самых должностных лиц (!), но действующих в принципиально ином правовом режиме, то есть не вступающих в predetermined уголовно-процессуальным законодательством правоотношения, связанные с конкретизированным уголовным преследованием человека (*in personam*) в совершении некоего криминального деяния.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Выбор данного региона далеко не случаен. До перехода на научно-педагогическую работу в Академию управления МВД России автор настоящей статьи более 25 лет работала дознавателем, старшим дознавателем и руководителем ряда подразделений дознания органов внутренних дел Вологодской области, а в последние годы возглавляла всю областную службу полицейского дознания – являлась начальником отдела организации дознания УМВД России по Вологодской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, Л. Л. Взаимодействие следователя с органом дознания: законодательное регулирование и правоприменительная практика : учеб. пособие / Л. Л. Абрамова, Н. Г. Логинова, А. Б. Судницын. – Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2021. – 104 с.
2. Григорьев, В. Н. Задержание подозреваемого / В. Н. Григорьев. – М. : ЮрИнфор, 1999. – 541 с.
3. Дикарев, И. С. Аномалии правового положения органов дознания // Правовое государство: теория и практика / И. С. Дикарев. – 2023. – № 1. – С. 97–104.

4. Калачева, А. В. О широком и узком подходах к пониманию органа дознания как субъекта уголовно-процессуальных отношений / А. В. Калачева // *Философия права*. – 2023. – № 1 (104). – С. 89–95.

5. Россинский, С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: учебник / С. Б. Россинский. – М.: Норма: Инфра-М, 2022. – 232 с.

6. Россинский, С. Б. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения / С. Б. Россинский // *Российский следователь*. – 2017. – № 3. – С. 16–20.

7. Россинский, С. Б. Многогранная сущность задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве / С. Б. Россинский // *Российский следователь*. – 2016. – № 22. – С. 18–22.

8. Россинский, С. Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? / С. Б. Россинский // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. – 2023. – № 3 (32). – С. 10–16.

9. Сопнева, Е. В. Заподозренный как способ выражения подозрения // *Актуальные проблемы российского права* / Е. В. Сопнева. – 2014. – № 7 (44). – С. 1474–1479.

10. Химичева, О. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления / О. В. Химичева, Д. В. Шаров // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2018. – № 5. – С. 56–61.

11. Шпагина, Ю. В. О сущности и понятии дефиниции «орган дознания» / Ю. В. Шпагина // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. – 2019. – № 1 (34). – С. 115–121.

REFERENCES

1. Abramova L.L., Loginova N.G., Sudnitsyn A.B. *Vzaimodejstvie sledovatelya s organom doznaniya: zakonodatelnoe regulirovanie i pravoprime-nitelnaya praktika: ucheb. posobie* [Interaction of the Investigator with the Inquiry Body: Legislative Regulation and Law Enforcement Practice: Textbook]. Krasnoyarsk, Sibirskiy yurid. in-t MVD Rossii, 2021. 104 p.

2. Grigoriev V.N. *Zaderzhanie podozrevaemogo* [Detention of a Suspect]. Moscow, YurInfor, 1999. 541 p.

3. Dikarev I.S. *Anomalii pravovogo polozheniya organov doznaniya* [Anomalies in the legal status of inquiry bodies]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal State: Theory and Practice], 2023, no. 1, pp. 97–104.

4. Kalacheva A.V. O shirokom i uzkom podkhodakh k ponimaniyu organa doznaniya kak subyekta ugovolno-protsessualnykh otnosheniy [On the Broad and Narrow Approaches to Understanding the Investigative Body as a Subject of Criminal Procedural Relations]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2023, no. 1 (104), pp. 89–95.

5. Rossinsky S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugovnomudelu: uchebnik* [Pretrial Proceedings in a Criminal Case: Textbook]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2022. 232 p.

6. Rossinsky S.B. *Zaderzhanie podozrevaemogo kak mera ugovolno-protsessualnogo prinuzhdeniya* [Detention of a Suspect as a Measure of Criminal Procedural Coercion]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian Investigator], 2017, no. 3, pp. 16–20.

7. Rossinsky S.B. *Mnogogrannaya sushchnost zaderzhaniya podozrevaemogo v ugovnom sudoproizvodstve* [The Multifaceted Nature of the Detention of a Suspect in Criminal Proceedings]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian investigator], 2016, no. 22, pp. 18–22.

8. Rossinsky S.B. *Celi i osnovaniya zaderzhaniya podozrevaemogo: v chem prichiny sushchestvuyushchih protivorechij?* [The Goals and Grounds for Detaining a Suspect: What Are the Reasons for the Existing Contradictions?]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2023, no. 3 (32), pp. 10–16.

9. Sopneva E.V. *Zapodozrennyj kak sposob vyrazheniya podozreniya* [Suspect as a Way of Expressing Suspicion]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2014, no. 7 (44), pp. 1474–1479.

10. Khimicheva O.V., Sharov D.V. *Nekotorye aspekty obespecheniya prav lica pri zaderzhanii po podozreniyu v sovershenii prestupleniya* [Some Aspects of Ensuring the Rights of a Person upon Detention on Suspicion of Committing a Crime]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2018, no. 5, pp. 56–61.

11. Shpagina Yu.V. *O sushchnosti i ponyatii definicii «organ doznaniya»* [On the Essence and Concept of the Definition of “Institution of Inquiry”]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 1 (34), pp. 115–121.

Information About the Author

Alina V. Kalacheva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Senior Lecturer, Department of Management of Investigative Agencies, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskih St, 8, 125993 Moscow, Russian Federation, akalacheva5@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4184-1730>

Информация об авторе

Алина Владимировна Калачева, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры управления органами расследования преступлений, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125993 г. Москва, Российская Федерация, akalacheva5@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4184-1730>